

Алек Нов

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

НЭП*

Сущность военного коммунизма

Можно выделить следующие особенности военного коммунизма:

1. Попытка запрета частного производства, национализация почти всей промышленности, государственное распределение почти всех материальных ресурсов и той немногочисленной продукции, которая тогда производилась, в первую очередь, для военных нужд.
2. Запрет частной торговли, который не был особенно эффективным, но периодически возобновлялся.
3. Насильственное изъятие „излишков” у крестьян (продразверстка).
4. Частичная ликвидация денег во взаимоотношениях государства с собственными организациями и гражданами. Переход на бесплатное снабжение там, где было чем снабжать.
5. Все эти факторы сочетались с террором и произволом,

* Alec Nove, *An Economic History of the USSR*. Penguin Books, Middlesex, 1982. Отрывки из книги.

экспроприациями и реквизициями. Попытки навести дисциплину путем партийного контроля над профсоюзами. Экономика осадного положения под флагом коммунистической идеологии. Частично организованный хаос. Невыспавшиеся комиссары в кожаных куртках, круглосуточно и бесплодно пытающиеся уничтожить свободный рынок и торговлю.

К началу 1920 г. белые армии бежали на всех фронтах, и большевики установили контроль над всей истощенной страной. Настало время подумать, на какой основе можно осуществить реконструкцию. Отпала возможность (или необходимость) все подчинять соображениям вооруженной борьбы за выживание. Теперь надлежало использовать все имеющиеся в наличии средства для оздоровления страны. С конца 1918 г. и большую часть 1919 г. удерживаемая Советами территория России была отрезана от прежних источников сырья для текстильной промышленности (Туркестан и Прибалтика), от нефти, от Донецкого угольного бассейна, от пшеницы Северного Кавказа и Украины, от большей части металлургических и сталелитейных заводов. Теперь все это снова было в руках Советов, но в плачевном состоянии. Однако, ресурсы все-таки имелись и ими следовало воспользоваться. Надо было приниматься за реконструкцию, и партийное руководство все больше уделяло внимание именно этому. Польское вторжение в мае 1920 г., продвижение русских к Варшаве и затем тягостное отступление на время прервали этот процесс обдумывания реконструкции из-за принятия экстренных мер. Но к концу октября 1920 г. прекратились сражения и с Польшей.

Ключевой проблемой оставались отношения с крестьянством и вытекавшие отсюда проблемы свободы торговли и частной мелкой промышленности. Становилось все более очевидно, что органы государства не в силах справиться с управлением всеми секторами промышленности, с размещением и распределением ресурсов, с торговлей. Реквизиции (продразверстка) вызвали отчаянное сопротивление большинства крестьян. Восстановление сельского хозяйства было немислимо без материальной заинтересованности и хоть какого-то чувства безопасности у крестьян. Государственные сельские хозяйства не были для них приемлемым решением: крестьяне решительно противились

передаче этим хозяйствам полезной земли, которой хотели пользоваться сами. Троцкий представляется как крайний сторонник дисциплинарных мер. В 1920 г. он настаивал на милитаризации труда. И все же именно Троцкий был первым из большевистского руководства, публично признавшим необходимость покончить с продразверсткой, отменить налог натурой, облегчить свободную торговлю или, по крайней мере, товарообмен. Он об этом говорил в феврале 1920 г. На этом же гневно красноречиво настаивали тогда еще активные меньшевики, особенно Ф.И. Дан. Но эти предложения вызывали решительное сопротивление Ленина, который, по всей видимости, в тот период склонен был считать свободную торговлю по самой ее сути государственным преступлением. Но даже Ленин признавал, что реквизиции были необходимой временной мерой, вызванной чрезвычайным положением и общей нищетой страны. Он тоже не надеялся, что крестьян удастся убедить и в дальнейшем добровольно отдавать „излишки” в обмен на то, что сам же Ленин назвал „клочками бесполезной цветной бумаги”. Ленин, по всей видимости, мыслил о некоем роде организованного продуктообмена, который по-прежнему исключал бы частных торговцев, оставляя крестьян в полной зависимости от государственных источников снабжения. Речи того времени, а также такие литературные произведения, как „Цемент” Гладкова, свидетельствуют со всей очевидностью, что огромное большинство членов партии продолжали рассматривать свободную торговлю и частное предпринимательство как зло, допущение которого было капитуляцией перед врагом, и поэтому „черный рынок” следует беспощадно искоренять. Позднее Ленин признавался, что он оказался под воздействием господствующей тогда атмосферы. 29 апреля 1920 г. он сказал: „Мы говорим, что крестьянин должен давать рабочим свои излишки хлеба потому, что продавать эти излишки в условиях настоящего времени было бы преступлением, и потому, как только мы восстановим нашу промышленность, употребим все усилия, чтобы удовлетворить крестьян в готовых фабрикатах города”.¹ И все же всего за два дня до этого Ленин говорил: „Мы не будем кормить тех, кто не работает на советских предприятиях и в советских учреждениях”,² расценивая, таким образом, как преступление сам факт обеспечения таких людей едой.

Похоже, что Ленин был в растерянности. В принятых до конца 1920 г. декретах нет ни намека на смягчение крайностей военного коммунизма. Эти декреты были более жесткими, чем когда бы то ни было. Осознавая „проклятый заколдованный круг”, что без промышленного производства не будет продовольствия в городах, а без продовольствия не будет промышленного производства, Ленин пытался прорвать его путем еще более беспощадных реквизиций. Он знал, что крестьяне нуждаются в „промышленных товарах, а не в бумажных деньгах”. Ленин допускал, что большевики деспотически относятся к крестьянству, но при этом настаивал, что отдавать свои излишки — это долг крестьян. 27 декабря 1920 г., выступая на конференции в Москве, Ленин призывал к новым атакам на кулаков, не пытаясь определить эту категорию точнее: люди на месте могут определить, кулак ли человек, который, скажем, купил лошадь в обмен на пять пудов зерна. Когда один из делегатов заявил, что в его области (на Ставрополье) обязательные поставки следует сократить, чтобы избежать „конфискаций... и не подорвать хозяйство”, Ленин ответил: „Поступайте так же, как и раньше поступали. В строгом соответствии с декретом Советской власти и вашей коммунистической совестью”.³ Справедливости ради следует, однако, сказать, что в тот день Ленин оказался в меньшинстве, когда предложил ввести премии крестьянам за повышение производительности их хозяйств. Его коллеги считали, что премии должны выдаваться разного рода сельскохозяйственным объединениям, а не единоличникам. Ленин на это отвечал: „Мы имеем двадцать миллионов хозяйств, которые хозяйничают отдельно и не могут иначе хозяйничать; и вот, если мы их не будем вознаграждать для поднятия производительности, это будет в корне неправильно”.⁴ Но 8 февраля Оболенский предложил Центральному комитету отменить продразверстку, и Ленин это предложение явно одобрил.⁵ Он начал готовить резолюцию по этому вопросу.

И все-таки 24 февраля 1921 г., оказавшись перед лицом событий, которые он охарактеризовал как кулацкие восстания и катастрофическую ситуацию, Ленин объяснял их как инспирируемый из-за границы эсеровский заговор, поскольку „восстания происходят как раз в тех районах, из которых мы берем

хлеб".⁶ Подобные абсурдные заявления свидетельствуют, что Ленин либо переутомился, либо вообще мало над этим думал. Тем не менее и он постепенно приходил к выводу о необходимости перемен.

В декабре 1920 г. была сделана попытка в директивном порядке поставить под контроль посевы и сбор урожая в 20 млн. крестьянских хозяйств. Разумеется, эта попытка была обречена на неудачу. Но все же намерение было очевидным, и с этой целью организовали „посевкомы". Такой же экстремизм обнаруживался в подходе к промышленности. Здесь, как и на хлебном фронте, Ленин мыслил в категориях организационных мероприятий, установленных приоритетов, подавления рынка. Промышленность должна начать работать, продовольствие должно быть обеспечено. „На этой задаче нам надо сосредоточить все свои силы... Ее надо решить военными средствами, с полной беспощадностью, с полным подавлением всех остальных интересов".⁷ Это говорил Ленин исполнительным органам Советов 2 февраля 1920 г. Вероятно, последние несколько слов в этой цитате — ключевые для понимания политической линии на протяжении того года. Распад был полным. Неотложность задач реконструкции не подлежала сомнению. Однако огромный подпольный рынок, не поддававшийся контролю, высасывал все имеющиеся ресурсы, разлагая и аппарат, и пролетариев. Отсюда делался вывод, что черный рынок следует подавить полностью. Всего лишь за год до этого Бухарин и Преображенский, известные тогда своим „левачеством", открыто утверждали (в „Азбуке коммунизма"), что национализация всей мелкой промышленности „абсолютно немыслима". Поэтому маловероятно, что Ленин действовал под давлением „левых". 29 ноября 1920 г. был издан декрет о национализации мелкой промышленности, хотя все уже было либо национализировано, либо парализовано. Само собою разумеется, административные органы были совершенно неспособны справиться с тысячами мелких производственных единиц. Хаос нарастал. На протяжении всего года предпринимались усилия сохранить, хотя бы на период реконструкции, типические методы военного коммунизма. Но это оказалось невозможным.

События подталкивали. По мере того, как исчезала угро-

за победы белой армии, нарастала интенсивность крестьянских восстаний. На обширных территориях бродили разбойничьи банды. В некоторые районы для подавления восстания приходилось вводить целые армии. Самым крупным было восстание под водительством Антонова в Тамбовщине. Оказывалось под угрозой снабжение городов продовольствием. Последней соломинкой оказалось восстание матросов Кронштадта, отразивших в своих лозунгах враждебность крестьянства к политической линии партии. Это восстание началось 28 февраля 1921 г. Но, вероятно, уже 8 февраля или, во всяком случае, не позднее 24 февраля 1921 г., Ленин признал, наконец, насущную необходимость решительных перемен. Он проявил готовность рассмотреть отмену продразверстки.⁸ По всей вероятности, именно кронштадтское восстание помогло убедить даже самых крайних большевистских руководителей, что резкий поворот стал вопросом жизни или смерти как для режима, так и для них самих лично.

Родилась Новая Экономическая Политика...

Как произошли перемены

За 1921-1922 гг. и несколько последующих лет совершились перемены, изменившие весь социально-экономический баланс. Частный сектор, „мелкая буржуазия" начали действовать в полном противоречии с идеологией и практикой времен военного коммунизма. Резко повысилась роль рынка не только в отношении с крестьянством, но даже в рамках принадлежащего государству экономического сектора. И все же, когда, наконец, горькая логика обстоятельств вынудила Ленина к этим переменам, он явно недооценил всех возможных последствий.

Мы уже видели, что вплоть до февраля 1921 г. Ленин упорно придерживался курса на полную национализацию, централизацию, ликвидацию денег и, в первую очередь, на сохранение продразверстки. Его коллеги не оказывали на него давления, чтобы изменить эту политику. Средством убеждения был, скорее, ход событий, чем инициатива Центрального комитета. Первые публичные проявления сомнений обнаружались на пленарном засе-

дании Московского совета 28 февраля 1921 г., когда Ленин признал правоту одного из делегатов, настаивавшего, что крестьянам должно быть известно заранее, что именно и в каких размерах они обязаны поставить государству, иначе говоря, что реквизиция „излишков” должна быть заменена натуральным налогом (продналогом).⁹ Коль скоро эта идея была принята, пусть не без сопротивления, она влекла за собою пересмотр всех основ экономики военного коммунизма. Как уже отмечалось, последние сомнения, оставшиеся у Ленина на этот счет, рассеялись, когда начались крестьянские восстания во многих районах страны, за которыми последовало восстание моряков Кронштадта. Это произошло как раз во время X съезда партии. Сразу после военных мер подавления Кронштадтского восстания Ленин выступил с предложением о замене продразверстки продналогом.

Решения об этом были приняты партией, а затем советскими органами на протяжении марта 1921 г. Введенный натуральный налог был значительно меньше „реквизиций” предшествующего года. Если разверстка в 1920-1921 гг. была установлена по РСФСР в 423 млн. пудов хлеба, то продналог на 1921-1922 гг. был равен 240 млн. пудов. Для картофеля соответствующие цифры были 110 и 60 млн. пудов, а для мяса — 25,4 и 6,5 млн. пудов.¹⁰

В 1924 г. натуральный налог был заменен денежным лишь после того как значительно продвинулась стабилизация валюты. После уплаты налога крестьяне могли распоряжаться своей оставшейся продукцией, как они сочтут нужным, могли, — как это подчеркивалось в первоначальном декрете, продавать ее только „на местных рынках”. Но это имело мало смысла, если целью было поощрять торговлю продовольствием именно в тех районах, где испытывался продовольственный дефицит. Так что об этом ограничении пришлось быстро забыть.

Было абсурдом предполагать, что крестьяне станут ездить за сотни километров торговать своим товаром в дальних промышленных городах, — это сделало неизбежной легализацию частной торговли, какое бы отвращение к ней ни испытывало большинство правоверных коммунистов. Сначала, опять-таки, надеялись удержать эту торговлю под строгим контролем. „Сво-

бода торговли, — говорил Ленин на X съезде, — даже если она в начале не так связана с белогвардейцами, как был связан Кронштадт, все-таки неминуемо приведет к этой белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации”.¹¹ И все же на практике необходимость в свободном обмене товарами была столь отчаянной, что как только в марте 1921 г. торговля была хоть как-то легализована, она начала расти как снежный ком, сметая на своем пути все преграды. Государство поощряло кооперативную торговлю. Она оказалась особенно успешна при продаже потребительских товаров в деревне, как и товаров любого вида в городах, наряду с государственной розничной торговлей, которая постепенно поднималась из руин времен военного коммунизма. Но и частные торговцы чем дальше, тем больше получали возможность осуществлять торговые операции почти любого вида: продажа крестьянам, покупка у крестьян, купля-продажа на государственных предприятиях, торговля товарами, изготовленными на государственных предприятиях и в оживающем частном секторе.

Сначала, когда партия убедилась в необходимости перемен, предполагалось, что отступление ограничится заменой конфискаций прямым „товарообменом”. В октябре 1921 г. Ленин признал, что это было ошибкой. Единственным выходом была торговля. Государству и партии предстояло учиться торговать. „Что вы говорите о государственной торговле! В тюрьмах нас торговать не учили”, — указал один из делегатов. — „А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять в тюрьмах учили?” — возражал Ленин.¹² Логика событий, „стихийные силы мелкобуржуазного окружения” сметали все попытки их ограничить.

Партия твердо удерживала в руках государства „командные высоты” экономики: банки, внешнюю торговлю, крупную промышленность. Но в то же время признала, что попытка полностью национализировать промышленность была ошибочна. В условиях 1921 г., при тотальном дефиците, особенно на топливо, многие управляемые государством предприятия пришлось закрыть, а некоторые, как и множество мелких мастерских, национализированных в предыдущие два года, сдали в аренду частным предпринимателям или разного типа кооперативным

товариществам за натуральную плату товарами или в счет уплаты ренты деньгами. Мелким предпринимателям, избежавшим национализации, было позволено впредь действовать легально. 17 мая 1921 г. декрет о национализации всех мелких предприятий был аннулирован. 7 июля 1921 г. всем гражданам было разрешено свободно заниматься кустарным производством, а также организовывать мелкие промышленные предприятия (не более чем с 10-20 наемными рабочими). Сдача в аренду предприятий, находившихся во владении ВСНХ, была урегулирована декретом от 5 июля 1921 г. и на протяжении 1922 г. К началу 1922 г. было сдано в аренду более 10 тыс. предприятий сроком от двух до пяти лет на условиях выплаты государству 10-15% прибыли. Среди этих предприятий преобладали ветряные мельницы, но 3.800 были довольно крупными — по 15-20 работников. Около 50% частных были мелкими предпринимателями,¹³ среди них прежние владельцы данных предприятий. К октябрю 1923 г. число сданных в аренду предприятий возросло до 5. 698. В среднем они занимали до 16 рабочих. 1. 770 арендованных предприятий обрабатывали пищевые продукты; 1. 515 — меха и кожи. Прямая денационализация была, однако, сравнительно редкой: 66 предприятий были „возвращены их прежним владельцам” президиумом ВСНХ и некоторое неуставленное число — областными органами.¹⁴

Новую Экономическую Политику стали сокращенно называть НЭПом. НЭП представлял собою форму смешанной экономики с подавляющим преобладанием частного сельского хозяйства с добавлением легализованной частной торговли и мелкого частного производства. Власти препятствовали возникновению крупных частных предприятий; к 1924-1925 гг. только на восемнадцать было занято в среднем от 20 до 1000 человек.¹⁵ Большинство занятых в промышленности продолжало трудиться на государство.

Голод

Этой все еще немощной экономике пришлось пережить ужасную катастрофу. Годами накапливавшиеся последствия

продразверстки привели к сокращению посевов; к тому же восток и юго-восток страны постигла засуха. Урожай зерна составил в 1920 г. всего 54% среднего урожая 1909-1913 гг., что уже было достаточно скверно.¹⁶ Урожай 1921 г. принес всего 37.6 млн. т., т. е. 43% от среднегодового довоенного урожая. Но в районах, охваченных засухой, положение было несравненно хуже. Миллионы крестьян вымерли от голода (точные цифры неизвестны). Были приняты меры помощи. В пострадавших областях был отменен натуральный налог. Но имевшихся у государства запасов было недостаточно, чтобы спасти положение. Был организован комитет помощи голодающим, в который вошли общественные деятели не коммунисты, и даже антикоммунисты, например, Прокопович и Кускова. (Впоследствии они были арестованы.) Была принята помощь из Соединенных Штатов. Были использованы скудные запасы валюты, чтобы закупить зерно за границей. Но нехватка продовольствия, разруха на транспорте и общая дезорганизация ограничили эффективность этих мер. Многих унесли эпидемические болезни, более всего тиф. Миллионы голодных бродили в поисках пищи в более благоприятных районах.

Трудности в промышленности

Топливный кризис, который повлек за собою закрытие многих фабрик и заводов, стал в 1921 г. кошмаром и для народа, и для правительства. К концу этого года, как и в 1922 г., возникла иного рода трагедия. Руководство решило отменить систему управления промышленностью, которая сложилась к тому времени. Прежде предприятия работали не заботясь об издержках, покрывая все расходы средствами, которые предоставлялись государством. Различные предприятия находились в подчинении Главков ВСНХ; они работали по заказам этих Главков, получали от них и сырье, и топливо (если они вообще что-либо получали). Зарплата почти полностью утратила смысл; пайки и услуги предоставлялись бесплатно. В результате чудовищно разросся бюрократический аппарат с его громоздкой централизацией, расточительностью и неэффективностью. Многие

предприятия закрылись из-за отсутствия топлива и сырья. Предпринимались отчаянные усилия, чтобы восстановить железнодорожный транспорт и топливную промышленность и, надо сказать, к концу 1922 г. добились заметного улучшения. Одновременно пытались перестроить промышленность на коммерческой основе, избавиться от излишнего персонала и добиться эффективности производства, обязав администрацию предприятий оплачивать все их расходы. Зарплата снова выплачивалась в деньгах, а с июля-августа 1921 г. все услуги опять стали платными.¹⁷ 10 ноября 1921 г. были отменены пайки. Разговоры об отмене денег ради немедленного скачка в социализм прекратились, будто их и не было. Напротив, много говорилось о необходимости стабилизировать денежное обращение, на основе которого надлежало впредь производить расчеты и выплаты. Государственная промышленность и торговля должны были функционировать на основе хозрасчета. Сырье и топливо теперь надлежало приобретать через торговую сеть, а рабочим выплачивать зарплату. Прекратилось кормление с ложечки — были ликвидированы легкие источники кредита. Это горькое лекарство было прописано декретом от 9 августа 1921 г. Чтобы промышленность функционировала в этих новых условиях, необходимо было перестать рассматривать ее как гигантскую фирму, в которой ВСНХ играл роль совета директоров, и разделить ее на автономные единицы. Эти вновь образованные подразделения, по большей части, стали именоваться „трестами“, куда вошли заводы, фабрики, мастерские и шахты. Несколько наиболее крупных предприятий было приравнено к таким „трестам“. Все они должны были работать впредь на коммерческой основе. Сначала еще сохранялись некоторые ограничения свободы в купле-продаже, но значительная часть промышленности уже на протяжении 1921 г. стала проводить торговые операции на собственный страх и риск. Начиная с 1922 г. тресты (или крупные автономные предприятия) стали перебиваться сами как могли. Критериями успеха становились прибыль и сокращение расходов. Как правило, не было больше приоритета для покупок у государства; если „частник“ предлагал лучшую цену, брали у него. Если частные подрядчики или посредники обеспечивали лучшее качество услуг, чем государственные торговые организации, постепенно замещавшие бюрократическую

систему распределения времен военного коммунизма, предпочтение оказывалось нэпману. Коммунисты, по словам Ленина, должны были учиться торговать. К 1922-1923 гг. (хозяйственный год заканчивался тогда в сентябре) 75% розничной торговли уже находилось в частных руках. Условия 1921-1922 гг. мало благоприятствовали коммерческой бухгалтерии и упорядоченной торговле. Был голод и общий отчаянный дефицит. У предприятий не было резервов, а у трестов — денег. Чтобы добиться положительного сальдо, они должны были торговать и торговать активно, но из-за общей нищеты мало кто имел средства покупать. Как это ни парадоксально, немощные усилия промышленности привели к затовариванию плохо организованного рынка. Тресты, стремясь раздобыть хоть немного денег, конкурировали между собой, распродавая даже сырье и оборудование, открывая на улицах собственные ларьки. Так развилось явление, которое в те времена стали называть „разбазариванием“.

Все это, взятое вместе, повлекло за собой относительное падение цен на промышленные изделия по сравнению с ценами на продовольствие (следует подчеркнуть — „относительное“: и те, и другие цены быстро росли из-за инфляции). Выручка от продажи часто не покрывала расходов. Посреди всеобщего дефицита накапливались непроданные товары. Тресты оказывались не в состоянии оплачивать свои раздутые штаты, безработица стремительно росла, несмотря на то, что больше половины пролетариев бежало из городов в деревню. Явная, жизненно насущная потребность в увеличении выпуска продукции сочеталась с невозможностью продажи этой продукции. Таковы были непосредственные последствия внезапного погружения промышленности в ледяную ванну коммерческих принципов. Но к 1923 г. положение начало меняться.

Ленин готов был идти на все, чтобы восстановить хозяйство, вполне понимая, что это необходимо для выживания режима. Он отчаянно старался убедить сомневающихся товарищей, что даже иностранные концессии — приемлемый способ решения проблем реконструкции. В статьях и речах этого периода он возвращался к этой теме снова и снова. Некоторые возражали: „Прогнали, мол, своих капиталистов, а теперь хотят призвать капиталистов иностранных“. Ленин, однако, настаивал на том,

что, позволяя иностранным капиталистам разрабатывать запасы нефти, лесные ресурсы и т. д., советское государство получит материалы, в которых оно испытывает острую нужду, что иностранные подрядчики обеспечат его современным оборудованием. Серьезный сдвиг в этом направлении могли бы дать в большевистской России принадлежащие иностранному капиталу промышленные предприятия. Надежды Ленина оказались преувеличенными, хотя он старался как можно шире рекламировать немногих амбициозных капиталистов, которые приезжали в Москву со своими предложениями, — таких, например, как американский бизнесмен Вандерлип. Однако, в конечном счете, все это принесло не так уж много плодов. „Всего к концу восстановительного периода числилось 42 концессии, но реально приступили к работе только 31 предприятие. Преобладали лесные концессии”.¹⁸ В 1924-1925 гг. только 4,260 рабочих было занято на 13 более или менее значительных концессиях. 68 концессий, сохранившихся к 1928 г., производили всего только 0,6% национального продукта. Главной причиной было, вероятно, упорное недоверие большевиков к иностранным капиталистам, что едва ли удивительно, если учесть хаотическое состояние России в этот период и открыто декларировавшуюся большевиками враждебность к капиталистическим порядкам, а также отказ от выплаты старых долгов России, конфискация собственности иностранцев и т. д.

Внешняя торговля, однако, начала постепенно расти. В 1921 г. она обслуживала более всего немедленные нужды: закупали зерно и уголь, чтобы справиться с критическими ситуациями. Но постепенно и в этой области происходила стабилизация. В 1922 г. было подписано торговое соглашение с Англией, а за ним последовали и другие. В 1922 г. некоторые тресты уже жаловались на конкуренцию импорта; некоторые потребительские товары закупались, чтобы стимулировать материальную заинтересованность рабочих. Но импортированные локомотивы, сельскохозяйственные машины, электрическое и другое оборудование в значительной мере способствовали реконструкции. Экспорт в 1924-1925 гг. превысил в 9 раз уровень экспорта 1921-1922 гг., хотя он составлял немногим более трети от экспорта 1913 г.¹⁹...

Ножницы цен

1923 год принес с собой новый кризис, вызванный тем, что новые условия торговых отношений между городом и деревней оказались слишком благоприятными для крестьян. Во время голода деревня не могла, конечно, пользоваться этими преимуществами. Однако изменившиеся условия привели к другой крайности — к таким неблагоприятным переменам цен, что у крестьян пропала охота торговать, и создалась политическая угроза режиму, поскольку его политическая стабильность держалась на уступчивости крестьян, их терпении, неготовности бунтовать.

Причины удивительно стремительной перемены состояли в следующем.

Во-первых, сельскохозяйственное производство восстанавливалось быстрее, чем промышленность. Из-за голода 1921 г. сократились посевные площади в областях, которые от него пострадали. Это видно из таблицы: (См. стр. 52) Однако, уже в следующем году урожай был очень хорош; к 1923 г. размер посевных площадей достиг почти 90% довоенного уровня и, хотя урожай все еще был значительно ниже, чем в 1913 г., дефицит продуктов питания уже не был катастрофическим. Напротив, разрушенная структура промышленности требовала более длительных сроков для восстановления. Та же таблица показывает, что в 1923 г. промышленность была на значительно более низком уровне по сравнению с 1913 г., чем сельскохозяйственное производство. Промышленность была всерьез подорвана разрушением основного капитала, длившегося годами пренебрежения к ремонту оборудования, дефицитом запасных частей и квалифицированного труда, квалифицированного руководства, топлива, сырья и средств транспорта. В общем хаосе предыдущих лет в сельском хозяйстве произошел серьезный сдвиг от производства сырьевых материалов для промышленности к производству продовольствия. Например, посевы хлопка упали с 688 тыс. га в 1913 г. до 70 тыс. га в 1922 г. С другой стороны, не было валюты для импорта сырья в масштабах, необходимых для быстрого восстановления текстильной промышленности. В 1922 г. ее продукция составляла всего 26% от до-

	1913	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Промышленное (фабричное) производство (в млн. руб. 1926-1927 гг.)	10251	1410	2004	2619	4005	4660	7739	11083
Уголь (млн. т.)*	29,0	8,7	8,9	9,5	13,7	16,1	18,1	27,6
Электричество (млн. квт)	1945	—	520	775	1146	1562	2925	3598
Черная металлургия (в тыс. т.)	4216	—	116	188	309	766	1536	2441
Сталь (тыс. т.)	4231	—	183	329	709	1140	2136	3141
Хлопчатобумажные ткани (млн. м.)	2582	—	105	349	691	963	1688	2286
Посевная площадь (млн. га)	1.500	—	90,3	77,7	91,7	98,1	104,3	110,3
Урожай зерна (млн. т.)**	80,1**	46,1***	37,6***	50,3	56,6	51,4	72,5	76,8
Железнодорожные перевозки (млн. т.)	132,4	—	39,4	39,9	58,0	67,5	83,4	—

* без бурого угля

** это был исключительно благоприятный год

*** по данным Гладкова; другие источники указывают более высокие показатели (например, для 1921г. — 42,3).

Источники: Социалистическое хозяйство СССР (1934 г.), стр. 2-3;

Гладков, Советское народное хозяйство (1921-1925), Москва, 1964, стр. 151, 316, 367, 383;

Е. Люкшич, Промышленность СССР, 1940-1963 (Москва, 1964), стр. 32;

„Народное хозяйство СССР“, 1932, стр. 8.

Большинство показателей не совпадают в разных источниках.

военного уровня, тогда как сельское хозяйство достигло 75%.

Во-вторых, хаотические усилия государственных трестов по сбыту товаров и сырья, и их конкуренция между собой, длились не слишком долго. Реорганизованная банковская система обеспечила им кредит. ВСНХ реагировал на опыт 1921-1922 гг., начал создавать в 1922-1923 гг. „синдикаты“. Это были управляемые правительством организации, которые ограничили или вообще исключили конкуренцию между трестами, объединявшиеся таким образом, чтобы облегчить сбыт. Это обеспечило им твердую позицию, и они запрашивали за свою продукцию высокие цены, если государственный сектор промышленности доминировал в производстве данного вида товара.

В-третьих, государственная промышленность была неэффективна, работала намного ниже своих возможностей, с огромными накладными расходами и перерасходом рабочей силы. Производительность труда оставалась намного ниже довоенного уровня. Все это порождало высокие цены.

В-четвертых, система оптового и розничного распределения оставалась тоже неэффективной и обходилась чрезвычайно дорого. Согласно Преображенскому, средняя разница между себестоимостью и розничной ценой составляла в 1913 г. 17,3%. Теперь она поднялась приблизительно до 60%.²⁰

В-пятых, правительство, несмотря на значительность роли нэпманов, оставалось фактически главным покупателем хлеба, и стремилось производить закупки по низким ценам.

Наконец, крестьяне проигрывали из-за галопирующей инфляции, когда деньги ежедневно падали в цене. При таких условиях даже недельное опоздание с поездкой крестьянина в город за покупками оборачивалось для него чувствительными потерями. Крестьянам последним выдали новые деньги-червонцы.

„Ножницы цен“ в том смысле, что цены на промышленные товары оказались выше, а на сельскохозяйственные продукты ниже цен 1913 г., раскрывались все шире. Если индекс цен 1913 г. взять за 100%, то в октябре 1923 г. индекс цен на промышленные товары составил 276%, а на сельскохозяйственные — 89%. Тот же источник показывает стадии развития этого разрыва в ценах.

**Изменение соотношения цен на промышленные изделия
к ценам на сельскохозяйственные продукты
(показатель за 1913 г. = 100)**

	В оптовой торговле	В розничной торговле
Октябрь 1922 г.	131	161
Декабрь 1922 г.	141	167
Февраль 1923 г.	169	180
Май 1923 г.	215	223
Июль 1923 г.	202	211
Сентябрь 1923 г.	294	280
Октябрь 1923 г.	310	297

Источник: Гладков, Советское народное хозяйство (1921-1925 гг.), Москва, 1960 г., стр. 413.

Следовательно, в октябре 1923 г., когда „ножницы цен” достигли наивысшей точки, промышленные цены были в три раза выше сельскохозяйственных по сравнению с ценами до войны. Не удивительно, что это породило трудности.

В какой-то мере этот разрыв в ценах самокорректировался. Крестьяне были главными потребителями производственных товаров, а государственная промышленность испытывала большие трудности с продажей этих товаров. Смена сельскохозяйственных сезонов тоже влияла на цены на продовольствие — они повышались после уборки очередного урожая. Но правительство действовало решительно, чтобы оздоровить соотношение цен. Попытались понизить цены на промышленные товары; издавались декреты о контроле над ценами (или запреты повышать цены без разрешения); проводились кампании по сокращению избыточного персонала в промышленности и в торговой сети, по расширению и улучшению системы потребительских кооперативов, по ограничению кредита, что понуждало тресты как можно быстрее избавляться от затоваривания. Емкость промышлен-

ного производства между тем продолжала восстанавливаться стремительными темпами, хотя она все еще оставалась ниже довоенного уровня. ВСНХ, вовремя спохватившись, использовал свою значительную формальную власть над государственным сектором экономики. Все эти обстоятельства вместе взятые способствовали частичному сближению образовавшихся „ножниц”. На протяжении 1923-1924 гг. торговые цены на промышленные товары упали на 23,3%. Был учрежден Народный комиссариат торговли, который стал успешно расширять сферу государственной торговли и продавать производственные товары в сельскохозяйственных районах по ценам ниже предлагаемых нэпманами. К апрелю 1924 г. индекс сельскохозяйственных цен поднялся на 92% (если считать за 100 цены 1913 г.), а индекс промышленных цен снизился на 131% в перерасчете на новые стабилизированные деньги. Тогда некоторым стало казаться, что „ножницы” сошлись слишком близко.

Планирование и контроль

Итак, система смешанной экономики НЭПа прошла через бури и к 1924 г. вошла в более спокойные воды. 1924-1925 гг. могут быть охарактеризованы как „вершина НЭПа”. Как эта система выглядела? Как она работала? Осуществлялось ли тогда планирование и кто его осуществлял? Каков был относительный вес частного сектора? Насколько автономными были тресты и какую власть над ними сохранял ВСНХ? Что происходило с сельским хозяйством?

Начнем с планирования. В результате „трестификации” 1921-1922 гг. ВСНХ был децентрализован, но все еще оставался штабом советской государственной промышленности. Из функционировавших в 1922 г. 430 трестов 172 подчинялись ВСНХ прямо или через посредство местных органов („промбюро”), а 258 находились в ведении местных „совнархозов”. Так, оставались в подчинении ВСНХ 33 треста металлообрабатывающей промышленности. Эти тресты контролировали 316 заводов с 218.344 рабочими. С другой стороны, 24 „областных” треста руководили 95 предприятиями с 12.701 рабочим, т. е., как пра-

вило, были гораздо мельче по масштабу. Над „своими” предприятиями тресты располагали полной властью. Предприятия не имели финансовой автономии, собственных счетов расходов и прибыли. Не являлись они и юридическим лицом. У них, грубо говоря, был тот же статус, что и у подразделений советских предприятий в 60-е годы или у подразделений централизованных корпораций на Западе. Фактически для их обозначения не употребляли даже термин „предприятие”. Вся их продукция планировалась и продавалась трестами, которые обеспечивали их необходимыми фондами, а также оплачивали рабочую силу. Постепенно это положение менялось, но права и обязанности директоров „предприятий” в их отношениях с трестами оставались неопределенными вплоть до 1927 г. Впрочем, даже тогда они не были признаны юридическими лицами. Реальная власть директора в значительной степени варьировалась от треста к тресту. В этот период почти не предпринимались попытки стандартизации цен. Согласно резолюции 29 июля 1922 г., ВСНХ осуществлял контроль над промышленностью:

а) методами экономического характера: финансирование, организация кредита, политика цен и т. д.;

б) методами административного характера: назначение и увольнение ответственных работников трестов и других торгово-промышленных единиц, перемещение материальных ресурсов из одной отрасли промышленности в другую, от предприятия к предприятию и так далее — в соответствии с планом;

в) методами производственно-планового характера: разработка планов производства и распределения, инспекция и проверка их выполнения, обеспечение соответствия промышленного плана общему плану и т. д.

Иначе говоря, превратившись по существу в Комиссариат промышленности и торговли, ВСНХ стал настоящим хозяином находившихся в его юрисдикции предприятий. Все разговоры о сужении функций ВСНХ и частичной передаче их факультативным промышленным единицам, представляют собой вульгарное фритредерство (свободная торговля, — Ред.)²¹...

Во всем этом чувствуется озабоченность сохранением авторитета ВСНХ, но было бы величайшей ошибкой воспринимать эти формулировки буквально. Не только упомянутая резолю-

ция не имела законодательных последствий. Даже декреты этого времени, направленные на укрепление „революционной законности”, редко отражали реальную ситуацию, не говоря уже о том, что они, как правило, были скверно составлены.

Мы не будем здесь давать полного обзора многочисленных декретов, определявших и изменявших функции и внутреннюю организацию ВСНХ. В декрете от 12 ноября 1923 г. повторялись многие положения, которые мы только что цитировали, но в менее директивном тоне, с большим ударением на тресты и на их отношения с другими организациями. Так, пункт /г/ отдела II этого декрета предоставлял ВСНХ право формулировать производственные планы бюджета для промышленности общесоюзного значения; проверять производственные планы и промышленные бюджеты союзных республик; составлять общий производственный план и бюджет промышленности Советского Союза и представлять его, через Госплан, на утверждение в Совет труда и обороны (СТО)... Союзные республики были здесь упомянуты вследствие образования в 1922 г. СССР как федеративного государства. Функции контроля над подчиненными ему единицами несколько раз уточнялись ссылками на „соответствие с существующим законодательством” и, как можно предположить, эти уточнения имели целью предотвратить излишнее вмешательство в работу трестов сверху.

ВСНХ в 1923-1926 гг. включал в себя следующие секции, отделы и подразделения:

- президиум ВСНХ во главе с председателем;
- внутреннее управление;
- Главное экономическое управление (ГЭУ) с приданной ему промышленной плановой комиссией („Промплан”);
- центральное управление государственной промышленности („Цугпром”) — с многочисленными подотделами;
- главное управление оборонной промышленности;
- научно-технический отдел.

Металлургия и электроэнергетика перешли в подчинение к наследникам прежних главков („Главметалл” и „Главэнерго”), которые по нескольким случайным причинам оказались под прямым контролем президиума ВСНХ, а не „Цугпрома”.

Вдобавок ВСНХ были приданы и другие специализированные комитеты.²²

Были учреждены также республиканские советы народно-го хозяйства („Совнархозы”), которые управляли второстепенными отраслями промышленности и получили право совещательного голоса в отношениях с ВСНХ. Сохранились областные и районные „совнархозы”, власть которых в разных местах существенно различалась. Кое-где они управляли расположенными на подконтрольной им территории промышленными предприятиями общесоюзного значения, в других местах — в их ведении находились лишь предприятия местной промышленности.

Таким образом, в рассматриваемый период государственная промышленность общесоюзного значения (за исключением металлургии и электроэнергетики) оставалась под властью ВСНХ, который осуществлял контроль над упомянутым выше „Цугпромом” и его подразделениями — иногда непосредственно, иногда через местные организации.

Общеполитические функции Цугпрома в значительной мере дублировались хозяйственным управлением („ГЭУ”) ВСНХ, плановые функции — Госпланом внутри ГЭУ. Промплан, в свою очередь, дублировал некоторые функции Госплана, который непосредственно подчинялся СТО, а не ВСНХ. Эта путаная административная машина была перестроена на более логичной основе, когда и ГЭУ, и Цугпром ликвидировали, а промышленным подразделениям возвратили название и статус главков, поставив их как и „Промплан”, в прямое подчинение президиуму ВСНХ.

Но все эти перемены, по большей части, отразились лишь в табличках на дверях кабинетов чиновников, — как правило, тех же самых. Они не дают представления о действительных функциях ВСНХ, о степени централизованного контроля над трестами со стороны его отделов и подотделов или о том, в какой мере в действительности в 20-е годы осуществлялось планирование. Это не так уж просто установить и описать. Наиболее полно это сделали, несомненно, Э. Карр и Р. Дэвис.²³ Они показали существенные различия в управлении разными отраслями промышленности в разные периоды. Например, некоторые ключевые отрасли тяжелой промышленности, поставлявшие изделия „стратегического значения” для всего хозяйства, получали прямые приказы — что производить, сколько и для кого и, та-

ким образом, соответствующие отделы ВСНХ осуществляли над ними полный надзор и контроль, во многих отношениях напоминающая власть министерств над предприятиями в более поздней сталинской модели. С другой стороны, многие тресты, — особенно производившие потребительские товары, — сами разрабатывали производственные планы с учетом рыночной конъюнктуры, и ВСНХ мало в это вмешивался. Например, в текстильной промышленности соответствующий отдел ВСНХ (Главтекстиль) был почти полностью безвластен, а тресты имели дело прежде всего с „текстильным синдикатом” — государственной оптовой организацией, которая осуществляла снабжение текстильных предприятий и обладала такой доминирующей ролью, что в 1927 г. „Главтекстиль” был ликвидирован как совершенно излишний. Отделы и подразделения ВСНХ рассылали приказы по самым разным вопросам; с другой стороны, многие тресты были по большей части автономны. Никакой общей картины не получается, за исключением того, что, во-первых, контроль над новыми капиталовложениями был гораздо жестче, чем за текущими делами, а, во-вторых, контроль всех видов стал строже к концу 20-х годов, — по мере того, как нарастали трудности с ресурсами.

Теперь посмотрим, как осуществлялось в 20-е годы планирование.

Госплан, как известно, был создан в помощь Совету труда и обороны (СТО). Этот последний номинально был комиссией Совета народных комиссаров, но фактически представлял собой военно-хозяйственный кабинет, заседавший, покуда Ленин был еще работоспособен, под его председательством. В СТО входил председатель ВСНХ, наркомы обороны, труда, транспорта, сельского хозяйства, снабжения, а также представители профессиональных союзов.²⁴ Декреты СТО имели силу законов, как если бы они издавались правительством. Госплан (который сначала был известен как Комиссия общего государственного планирования) был создан 22 февраля 1921 г. для разработки единого генерального государственного плана, а также методов его реализации. Сотрудники Госплана назначались Советом труда и обороны. Его обязанности были определены заново 21 августа 1923 г. и именно с этого момента появилось знакомое нам

название „Госплан”. Его общие задачи формулировались почти в тех же словах, что и задачи Комиссии; помощь в разработке бюджета; изучение основных проблем денежного обращения, кредита и банков; размещение промышленности, стандартизация. Госплан осуществлял координирование и получил право изучать все планы и продовольственные программы, предлагаемые народными комиссариатами (включая ВСНХ) и высказывать свое мнение о них.

При подобной структуре дублирование было неизбежным, а подчас — и трения с планирующими подразделениями ВСНХ. Так, подготовку „контрольных цифр на 1925-1926 гг.” осуществлял только Госплан, но возглавлявший его тогда Кржижановский жаловался ХУ съезду партии на отсутствие сотрудничества со стороны других учреждений.

Однако слово „планирование” в 1923-1926 гг. имело совершенно иной смысл, чем впоследствии. Не существовало полностью разработанных программ производства и размещения ресурсов, не было „командной экономики”. Среди экспертов Госплана многие не состояли в партии или были прежде меньшевиками. Работа их требовала творческого подхода для преодоления дефектов тогдашней статистики. Они стремились создать первый в истории „баланс народного хозяйства” — первую модель для планирования роста. Но важно подчеркнуть, что результатами их усилий и расчетов были не планы как приказы действовать, а „контрольные цифры”. Это были отчасти прогнозы, отчасти руководства для стратегических решений о капиталовложениях, базис для дискуссий и определения приоритетов.

Ни Госплан, ни ВСНХ не могли и не пытались обеспечить планы выпуска продукции для всех трестов и предприятий. Это делалось лишь для некоторых ключевых отраслей. Большинство трестов принимали решения сами, лишь при частичном надзоре сверху. Тресты существенно различались и по размерам, и по организации работы. Среди них были огромные — например, Бакинская нефтяная организация, которая несла ответственность за советское нефтяное производство, и была тесно связана с соответствующим подотделом ВСНХ. Другие, достаточно свободные от контроля со стороны ВСНХ, вступали в сделки с другими трестами, с частными торговцами, кооперативами

и т. д., заключали контракты о кредите с банками и друг с другом, руководствуясь при этом интересами собственной прибыли. Правда, время от времени из центра делались попытки поставить ценообразование под контроль. К концу 20-х годов эти попытки усилились.

Феликс Дзержинский, председатель ВСНХ и глава ЧК, писал в 1924 г.: „У нас почти каждый трест делает, что ему вздумается. Они сами себе хозяева, сами себе и Госплан, и Главметалл, и ВСНХ, а если что-нибудь не в порядке, пытаются это скрыть, — причем, при поддержке местных органов”²⁵. Дзержинский стремился усилить контроль за трестами, но успехи на этом пути оставались достаточно скромными.

С другой стороны, сами сотрудники трестов начинали осознавать, что тресты слишком негибки, слишком громоздки, чтобы эффективно управлять хозяйством. Так, на XII съезде партии (1923 г.) раздавались призывы к трестам предоставить больше самостоятельности входящим в них предприятиям, оставив за собой распределение премиальных в зависимости от прибыльности этих предприятий. Но и здесь заметные изменения произошли лишь позднее.

Цены, рынок и частные предприятия

С наступлением НЭПа, из-за дефицита товаров, в связи с возобновлением выплаты заработной платы деньгами и прекращением выдачи бесплатных пайков и услуг — особенно остро встала проблема цен. Декретом от 5 августа 1921 г. при Наркомате финансов был образован Комитет цен, получивший право фиксировать оптовые и розничные цены на товары, изготавливаемые или продаваемые государственными предприятиями, а также на товары, покупаемые государственными учреждениями, например, у крестьян-единоличников. Но на практике установленные сверху цены по большей части игнорировались и в 1922 г. они были заменены так называемыми ориентировочными ценами, которые стали восприниматься как минимальные, и эти цены тресты, по своему усмотрению, могли повышать. Исключение представляли цены на некоторые монополизированные госу-

дарством товары — соль, табак, керосин и спички. Цены на эти товары, действительно, твердо фиксировались, хотя частные торговцы, если им удавалось эти товары достать, продавали их по столь высоким ценам, какие только мог выдержать местный рынок. Комиссия по торговле, учрежденная при СТО в 1922 г., установила прямые связи между государственной промышленностью и потребительскими кооперативами, урезав, таким образом, сферу деятельности частных посредников, но и ей все-таки не удалось контролировать цены сколько-нибудь эффективным образом.²⁶

Существование частного и государственного секторов (да еще вдобавок достаточно автономных кооперативов) в условиях инфляции, развала транспорта и неэффективности административного руководства влекло за собой значительную текучесть цен. Мы уже упоминали о „ножницах цен”, которые осенью 1923 г. породили кризис, а также о серьезных трудностях государственных предприятий с продажей своих дорогостоящих товаров. Эти товары оказывались еще дороже, когда они, наконец, достигали потребителя, — особенно в сельских районах, пройдя через многих частных посредников. Во многих сельских местностях в 1923 г. торговлю вели почти исключительно нэпманы. К тому времени, правда, кое-где были созданы сельские кооперативы, но в большинстве они оказались чрезвычайно неэффективными. Все это иллюстрирует таблица, данные которой относятся к октябрю 1923 г.:

	Одежда	Гвозди	Керосин	Сахар	Соль
Цены на продукцию трестов	100	100	100	100	100
Цены в областных кооперативах	174	136	100	162	107
Цены в сельских кооперативах	243	177	128	222	121

(Источник: Малафеев, История ценообразования в СССР. Москва, 1964), стр. 53.

При таких колоссальных разрывах в ценах кооперативам было трудно конкурировать с нэпманами.

Даже в Москве, где в 1922 г. под официальным покровительством была создана „товарная биржа”, нэпманы контролировали 14% оптовой торговли, 50% оптово-розничной торговли и 83% розничной торговли; кооперативам принадлежало только 10%, а государственной торговле — 7%. До марта 1923 г. по всей стране оптовая торговля текстилем на 50% принадлежала частному капиталу. Частная торговля в 1922-1923 гг. составляла 78% всей розничной торговли, хотя впоследствии эта пропорция постепенно сокращалась — 57,7% в 1923-1924 гг., 42,5% в 1924-1925 гг., 42,3% в 1925-1926 гг. и 36,7% в 1926-1927 гг.²⁷

Однако это процентное сокращение на первых порах опережалось ростом абсолютного объема торговли в рамках стремительно растущего общего товарооборота. В 1925-1926 гг. и оптовая и розничная торговля выросли на 50%. Лишь на следующий год абсолютный объем этой торговли начал сокращаться.

Частная торговля заполняла пустоты, которые образовывались в результате неэффективности государственной и кооперативной торговой сети. Как уже было отмечено, она оперировала продукцией государственных предприятий, но значительную ее часть составляли товары частной промышленности и ремесел. С 1923 г. правительство во все возрастающей степени расширяло государственную и кооперативную сеть. Их доля в общем товарообороте неуклонно росла. На первых порах это делалось на основе конкуренции и направления государственной продукции через официальные каналы. Но впоследствии нэпманов начали вытеснять менее мирными средствами.

В промышленном производстве к 1924-1925 гг. ситуация была такова: „крупная” промышленность (т. е. „фабричное производство”, в отличие от „мастерских”) — почти полностью оставалась в руках государства. В этом секторе только 1,82% принадлежали частникам. Однако продукция мелкой и ремесленной промышленности делилась следующим образом:

	1923- 1924гг.	1924- 1925гг.	1925- 1926гг.	1926- 1927гг.
(в % к общему продукту)				
Государственные предприятия	2,2	2,6	2,5	2,3
Кооперативы	8,1	20,4	19,8	20,2
Частные предприятия	89,7	77,0	77,7	77,5

(Источник: Гладков, Советское народное хозяйство (1921-1925 гг.), Москва, 1960, стр. 201).

В 1925 г. занятость в мелкой промышленности распределялась так:

Тип предприятия	Численность работников
Государственная мелкая промышленность	30 644
Кооперативы	127 162
Ремесленники-частники*	2285 161
Частные предприятия**	270 823
Всего:	2713 790

* Без найма рабочей силы вне семьи

** С наймом рабочей силы

(Источник: Гладков, Советское народное хозяйство (1921-1925 гг.), Москва, 1960, стр. 204.

Эти цифры показывают, что в мелкой промышленности частный сектор доминировал и львиная доля приходилась на мелкое семейное ремесленное производство. Производственная

активность частных чрезвычайно зависела от снабжения материалами, производимыми государственной промышленностью. К тому же большинство частных мастерских арендовалось у государства. Все это, по словам советского историка, „давало в руки государства сильное орудие регулирования мелкого производства“.²⁸

Занятость в частном секторе промышленности росла:

	(в %)
1924-1925 гг.	+ 13
1925-1926 гг.	+ 20
1926-1927 гг.	+ 2-5

Затем последовало катастрофическое падение. В рассматриваемые годы происходил постоянный рост основных фондов (капитала) частного сектора в целом. Однако правительство быстро укрепляло свое доминирующее положение в экономике, а после распространения государственной и, особенно, кооперативной торговой сети в сельских местностях, открылась возможность душить частный сектор, сокращая поставки ему готовых изделий, топлива и сырья — когда только пожелают. Поощряемая и поддерживаемая государством розничная кооперативная торговля росла стремительными темпами. В 1922-1923 гг. ее доля в розничном товарообороте составляла 10% (а 75% розничной торговли приходилась на частный сектор); к 1926-1927 гг. доля кооперативной розничной торговли выросла в 19 раз. Вот как изменилась при этом общая картина товарооборота:

Вид предприятия	1922-1923 гг.	1926-1927 гг.
	(в млн. рублей)	
Государственные	512	1817
Кооперативные	368	6838
Частные	2680	5063
Всего:	3560	13718

Эти цифры (в постоянных ценах) свидетельствуют о стремительных темпах оздоровления экономики в первые годы НЭПа.

Сельское хозяйство и крестьянство

В сельском хозяйстве частный сектор доминировал на протяжении всего периода НЭПа. В 1918-1920 гг. коллективные хозяйства и коммуны были малочисленны, но в последующие годы их стало еще меньше. В 1927 г. посевные площади распределялись следующим образом:

	(%)
Совхозы	1,1
Колхозы (всех типов)	0,6
Единоличники	98,3

(Источник: „Этапы экономической политики СССР”, ред. П. Вайсберг. Москва, 1934, стр. 35).

Фактически перераспределение земли в 1917-1918 гг., а также последствия „классовой борьбы в деревне” в 1918-1920 гг., привели к ликвидации не только помещичьих имений, но и значительной части крупных крестьянских хозяйств. Миллионы безземельных батраков и бывших крестьян, которые бежали из городов назад в деревню во времена военного коммунизма, получили землю. В итоге существенно увеличилось число крестьянских хозяйств. Приблизительно на такой же территории, где до 1917 г. было 17-18 млн. хозяйств, обслуживаемых одной крестьянской семьей, в 1924 г. их число выросло до 24 млн., а в 1927 г. — до 25 млн. (Более точные сравнительные данные, по всей видимости, не существуют.) Безземельных и малоземельных крестьян наделяли землей за счет их соседей. Средний размер земельных владений и разница между зажиточными и бедными уменьшились.

Годы революции уничтожили многие положительные последствия столыпинской реформы. В 1918 г. перераспреде-

ние земли проводилось под эгидой традиционной крестьянской общины. У нее теперь было больше власти, чем когда-либо после 1906 г., переделывать крестьянские наделы и навязывать крестьянам чересполосицу. К 1925 г. к деревенским общинам принадлежало более 90% крестьян. Есть все основания утверждать, что 350 тыс. таких общин контролировали всю хозяйственную жизнь деревни.²⁹ В этом смысле последствия революции можно считать реакционными. Землю нарезали на десятки, а то и сотни полос, которые разделялись иногда значительным расстоянием и подлежали периодической передаче из одних рук в другие. Преобладала система тронополья, которая препятствовала введению более современной практики севооборота, поскольку эта последняя не вязалась с порядками крестьянского „мира”. Еще в 1928 г. 5,5 млн. хозяйств пользовались сохой, а половину урожая зерна убирали серпом или косой. 40% урожая молотили цепями. Достижения модернизации сельского хозяйства начала столетия были утрачены. Все это вместе поставило новый режим перед серьезными проблемами.

Положение усугублялось „классовым подходом”. Определения „кулак”, „средняк” или „бедняк” с присоединением к этим последним безземельных „батраков” были упрощениями. Много было написано и еще больше наговорено о „стратификации крестьянства”. Статистики и аналитики трудились, чтобы подогнать под марксистско-ленинские определения достаточно сложные отношения в деревне, привести их в соответствие с заранее заготовленными ярлыками. Поскольку обстановка была взрывоопасна как динамит, объективное исследование либо сбрасывалось со счета, либо представлялось слишком рискованным. Как писал Карр, „не классовый анализ определял теперь политику. Напротив, классовый анализ диктовался тем, что больше подходило при данной ситуации”.³⁰

Действительная методологическая трудность заключалась в том, что одна категория налагалась на другую. „Безземельный” мог иметь немного земли, но столь мало, что один или два члена семьи вынуждены были либо наниматься к другому крестьянину, либо работать на „мир” (допустим, пастухом), либо выезжать на отхожий промысел. „Бедняк”, по определению, имел недостаточно земли, чтобы прокормить свою семью,

и он также вынужден был к кому-то наниматься на часть года или отпускать внаем кого-то из членов своей семьи. Следует помнить, что крестьянский „двор”, как правило, включал в себя несколько трудоспособных, и это также усложняло задачи стратификации. „Середняк” иногда тоже, по любым разумным стандартам, был достаточно беден и на низких уровнях был неотличим от „бедняка”. Члены „середняцкого” хозяйства тоже могли наниматься куда-нибудь, в то время как то же хозяйство, в свою очередь, могло нанимать работника. Многие так называемые середняки не имели лошадей (40% всех крестьян Украины, 48% — в Тамбовской губернии и т. д.). Иногда аналитики использовали термин „маломощный”, которым охватывались и менее преуспевающие „середняки”, и „бедняки”, а находившихся выше этого уровня относили к „зажиточным” или „крепким” крестьянам, куда в совершенно произвольной пропорции зачислялись и „середняки”, и так называемые кулаки.

Но кого же, в таком случае, считали „кулаком”? Это понятие, опять-таки, статистики определяли в зависимости от политических обстоятельств, а политики заново переименовывали, приказывая статистикам обеспечить необходимые цифры для обоснования той или иной точки зрения. „Кулаками” принято было считать 5-7% всего крестьянства. Но и эти крестьяне, по крайней мере, по западным стандартам, по большей части, были достаточно бедны. Две лошади и две коровы, и земельный надел, достаточный, чтобы обеспечить себя и семью на весь год скромной едой, и что-то продать — вот уже и „кулак”. Но при этом, согласно данным, собранным профессором Моше Левином, только 1% от общего числа крестьянских хозяйств нанимал больше одного работника.

Некоторые „кулаки” могли выступать в роли ростовщиков (первоначальное значение слова „кулак” связано именно с этой функцией). Иногда они имели возможность ссудить своим менее благополучным соседям немного зерна, когда те, как это часто случалось, оказывались к весне без пропитания. Они могли также сохранять часть урожая в амбарах, чтобы продать его по более высокой цене, тогда как менее состоятельные крестьяне вынуждены были продавать свой урожай быстро, когда цены на рынке были самыми низкими. Иногда соседи пользовались

их сельскохозяйственными машинами, какие тогда имелись, беря их внаем, как и лошадей, волов и других дефицитных домашних животных. У „кулаков” была инициатива и хозяйственная смекалка. Они возбуждали зависть, но, с другой стороны, воплощали в себе то, к чему стремился каждый хозяйственный крестьянин.

Численность „кулаков”, судя по имеющимся данным, росла:

	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
в % к общему числу хозяйств:				
арендовавших землю	2,8	3,3	4,2	6,1
нанимавших работников	1,0	1,0	1,7	1,9

Источник: Гладков, цит. работа, стр. 271.

Однако некоторые крестьяне пользовались наемным трудом всего лишь по несколько месяцев в году.

С самого начала правительство оказалось перед дилеммой, порожденной тем, что у крестьян было как бы два лица: с одной стороны, они были полупролетариями, но с другой, — мелкими буржуа. Они колебались и могли обеспечить почву для возрождения капитализма. В то же время Советский Союз был объявлен „республикой рабочих и крестьян”. НЭП основывался на „смычке” между ними. Поэтому, вспоминая указания Ленина, приходили к выводу, что беднейшее крестьянство может быть союзником, середняки — вероятными попутчиками, а кулаки, по самой их сути, — врагами. Если середняки, благодаря своим хозяйственным успехам, станут кулаками, они неизбежно перейдут в лагерь врагов советского режима, будут устраивать против него заговоры, стремясь возродить капитализм, вскармливая политическую оппозицию.

Однако признание каждого преуспевающего крестьянина врагом означало бы превращение идеи „смычки” в нелепость. Еще большей нелепостью, с экономической точки зрения, было

качать каждый хозяйственный успех, в то время как страна нуждалась в повышении производительности и развитии рынка.

Между тем, процесс восстановления протекал в полусредневековых условиях, когда большинство мелкоземельных крестьян располагало весьма малыми возможностями, стимулами и ресурсами, чтобы улучшать методы производства или применять машины. Им оставалось лишь расширять свои земельные владения, увеличивать долю товарности в своем производстве и вообще двигаться по тому пути, который наметился после реформы Столыпина. Но именно этот путь, с точки зрения большевиков, вел к капитализму.

В одной из своих последних работ Ленин предлагал выход: кооперация и механизация. Постепенно кооперация должна была отучить крестьян от индивидуализма. Демонстрируя крестьянам преимущества машинной обработки земли, силу трактора, можно будет, в конечном счете, склонить их на сторону социализма. Но, согласно Ленину, на это уйдет значительное время, а пока крестьянина нельзя насильствовать — его нужно убеждать. Такова была общая платформа, которую в первые годы НЭПа признавали все фракции большевизма. Поощрялись сельские потребительские кооперативы, поскольку они призваны были приучить крестьян к кооперации, превращаясь, таким образом, в основной рычаг „ленинского кооперативного плана”. Что же касается производственных кооперативов, то о них почти не говорили и еще меньше для них делали. Типичным для того периода было выступление Н. Мещерякова на торжественном заседании, посвященном памяти Ленина вскоре после его смерти. По словам Мещерякова, Ленин был решительным противником насильственных методов в области сельского хозяйства и учил, что только дураки могут помышлять о насилии над крестьянством.³¹ В данном контексте не столь уж существенно, насколько эти утверждения соответствовали тому, что в действительности делалось по указаниям Ленина в 1918-1921 гг. Важно, однако, что именно так истолковывали его взгляды в 1924 г. Этого тогда никто не оспаривал.

Крестьяне страдали не только от устарелой системы землепользования. Первая мировая, а затем гражданская войны унесли с собой множество лошадей и даже „средняки” имели их

далеко не всегда. Велики были потери и других видов скота. Резко сократились посевы растений для промышленного использования — отчасти из-за упадка промышленности, отчасти из-за того, что крестьяне в первую очередь стремились обеспечить продовольствием самих себя.

Работа для самоснабжения — характерная особенность русского крестьянства. До революции, согласно подсчетам советских специалистов, помещики и „кулаки” поставляли 71% всего товарного зерна. Средняки и бедняки, несравненно более многочисленные, поставляли на рынок только 29% сельскохозяйственной товарной продукции страны, т. е. 14,7% того, что они производили. Революция значительно увеличила численность середняков и бедняков, сократив число „кулаков”. Поэтому образовался существенный разрыв между общим ростом сельскохозяйственного производства, происходившим гораздо быстрее, чем рост сельскохозяйственной товарной продукции.

Размеры посевных площадей и поголовье домашнего скота увеличивались, после голодного 1921 г., быстрыми темпами.

	1913 г.	1922 г.	1925 г.
Посевная площадь, млн. га	105,0	77,7	104,3
Урожай зерновых, млн. т.	80,0	50,3	72,5
Лошади млн. голов	35,5*	24,1	27,1
Скот, млн. голов	58,9*	45,8	62,1
Свиньи, млн. голов	20,3*	12,0	21,8

* Данные за 1916 г.

Источник: „Социалистическое строительство”, Москва, 1934 г., стр. 4.

В противоположность росту сельскохозяйственного производства, производство товарного зерна не достигло довоенного уровня. Однако Сталин намеренно преувеличивал этот разрыв. Он утверждал, что в 1927 г. производство товарного зерна составляло лишь половину поставленного на рынок в 1913 г. Эти данные повторили многие авторы — и советские, и западные. Но советский автор Ю. Мошков, как и американский исследователь Дж. Карц подчеркивали, что Сталин существенно занизил уровень товарного сельскохозяйственного производства середины 20-х годов. И Машков, и Карц писали, что в 1909-1913 гг. производство товарного зерна достигало в среднем 16,7 млн. т. (около 25% всей зерновой продукции), а в 1926-1928 гг. около 16 млн. т, т. е. приблизительно 21% всего производственного зерна.³² Сталин, а вслед за ним и другие, утверждали, что в те же годы НЭПа товарное зерно составляло только 13% всего произведенного зерна. Однако, если исходить из более узкого определения понятия „товарное зерно“, Сталин был менее далек от истины. Но в любом случае, рынок сельскохозяйственной продукции сократился по сравнению с довоенным, тогда как потребность в зерне возросла, а в условиях стремительной индустриализации должна была расти еще быстрее.

Главную причину снижения товарности сельского хозяйства мы уже указывали: мелкое крестьянство перешло на самоснабжение. В 1925 г. крестьяне лучше питались и меньше продавали. Дополнительной причиной были неблагоприятные условия торгового обмена между городом и деревней (в особенности во время кризиса, связанного с „ножницами цен“, а также позднее, когда эти „ножницы“ разошлись снова). К этому следует добавить стремление крестьян увеличить поголовье скота, и, значит, необходимость его кормить; расширение, после 1923 г., площадей под сельскохозяйственными растениями для промышленности; и, наконец, последнее, но не менее важное — последствия целенаправленных усилий правительства контролировать рыночные цены на зерно. Так, уже в 1924-1925 гг. были приняты меры по упорядочению системы заготовки зерна, по усилению планирования и вытеснению частных торговцев. В 1925-1926 гг. сократили частную торговлю зерном. Уже в эти годы главным закупщиком товарного зерна — 75% — стало государство. Отка-

завшись в 1924 г. от взимания налога натурой и заменив его денежным налогом, государство больше чем когда бы то ни было оказалось заинтересованным в снижении цен на самый основной товар сельского хозяйства — зерно.

Больше всего от понижения уровня товарности зерна страдал советский экспорт. Это иллюстрируется следующими данными (в 1913 г., который отличался хорошим урожаем, зерно составило 40% всего экспорта):

	(млн. т)
1913 г.	12,0
1925-1926 гг.	2,0
1926-1927 гг.	2,1
1927-1928 гг.	0,3

Крестьяне реагировали на новую ситуацию и открываемые ею возможности неоднозначно. Они, конечно, приветствовали свободную торговлю и посредничество частных торговцев. Некоторые зажиточные крестьяне стремились расширить свое хозяйство. В условиях, когда у более мелких крестьян было недостаточно земли, чтобы прокормить самих себя, и они официально или неофициально вынуждены были арендовать дополнительную землю у своих более богатых соседей или идти к ним внаем, возможностей открывалось множество. Дифференциация крестьянства углублялась, формировался класс богатых крестьян.

Это, разумеется, был естественный и неизбежный процесс, но он-то именно и тревожил правительство, особенно потому что традиционный крестьянский „сход“ все еще был в деревне гораздо более реальной властью, чем хилые и малозффективные сельские „советы“. Влияние партии в деревне оставалось слабым. Однако вплоть до 1926 г. включительно, пока главной задачей государства оставалось поощрение товарного производства и вывоза сельскохозяйственных продуктов на рынок, более состоятельные слои крестьянства пользовались поддержкой, что, с другой стороны, порождало недовольство партийных активистов и разочарование бедноты, которая рассчитывала на более благожелательное отношение властей. Все это отразилось во внутрипартийных дебатах того времени.

Отношение крестьянства к режиму тоже не было однозначным. Крестьяне, правда, получили землю, но не забыли, что фактически захватили ее сами. С другой стороны, еще была свежа память о реквизициях времен военного коммунизма, да и приезжавшие в деревню коммунистические функционеры, как правило, — горожане, не вызывали симпатии крестьянства. Заявления партийных лидеров о „мелкобуржуазной стихии”, которой они окружены, неизбежно внушали тревогу крестьянам читавшим эти заявления. Последовавшие события показали, что эта тревога не была беспочвенной. Во всяком случае, естественным стремлением крестьянина было прикупить побольше земли, еще одну лошадь, еще одну корову, а, быть может, и нанять работника. Но при этом он не мог забывать, что его отнесут к классу „кулаков”, станут клеймить как злодея и кровососа, обложат более высокими налогами. Крестьянство представлялось режиму „проклятым вопросом”, и легко представить, что оно отплачивало режиму той же монетой. При этом, поскольку возможности занятости в городах были весьма скромными на протяжении всех 20-х годов, давало о себе знать еще одно явление: и без того значительное по отношению к имеющимся земельным ресурсам сельское перенаселение усугублялось по мере естественного роста народонаселения, восполнявшего тяжелые потери, вызванные войной, голодом и эпидемиями...

Конец НЭПа

НЭП достиг апогея к 1925 г. На протяжении 1926 г. абсолютный рост частного сектора был остановлен. Но фактически его сравнительный упадок начался раньше; во всяком случае, и в 1926 г. еще признавалось, что частному предпринимательству должна отводиться законная роль в рамках советской системы. Отмену НЭПа нелегко датировать, в особенности потому, что официальные заявления об этом сбивчивы или намеренно неверны. Так, в 1929 г. Сталин гневно опровергал слухи, что НЭП закончен; даже в 1931 г., в десятилетие НЭПа, утверждалось, будто он все еще остается в силе. Пятилетний план, оптимальный

вариант которого был принят в 1929 г., предусматривал рост национального дохода в частном секторе не менее чем на 23,9%.³³ Но наступление на нэпмана вне сельского хозяйства уже шло полным ходом, а наступление на крестьянина-единоличника в деревне вот-вот должно было начаться. Упадок легального частного экономического предпринимательства иллюстрируется следующей таблицей:

Г о д ы	Частный товаро- оборот, млн. руб.	в % по всей торговле
1924—1925	3.300	42,5
1925—1926	4.963	42,3
1926—1927	5.063	36,9
1928	3.406	22,5
1929	2.273	13,5
1930	1.043	5,6
1931	—	—

Источник: Малафеев, История ценообразования в СССР. Москва, 1964 г., стр. 134. Автор напоминает о широком объеме нелегальной или незафиксированной торговли.

Сокращалась и доля частного сектора в национальном доходе:

	1925— 1926гг.	1926— 1927гг.	1928	1929	1930	1931	1932
	%%						
Обобществен- ный сектор	45,9	48,7	52,7	61,0	72,2	81,5	90,7
Частный сек- тор	59,1	51,1	47,3	39,0	27,8	18,5	9,0

Источник: 1925-1926, 1926-1927, „Народное хозяйство СССР”, 1932, 1928-1932. Е. Квиринг, „Проблемы экономики”, №№ 10—12 (1931г.), стр. 5.

Государство располагало потенциально мощным рычагом противодействия частному сектору в торговле и на производстве, поскольку в значительной мере под его контролем оставалось снабжение сырьем и другими товарами. Простое административное решение, таким образом, могло сильно изменить ситуацию и без законодательных налоговых мер, специально направленных против нэпманов. Вплоть до 1930 г. частная торговля формально не рассматривалась как преступная спекуляция. И только в этом году наем труда для частного производства был объявлен нелегальным.³⁴ Но тенденции к этому проявились значительно ранее. Например, наблюдался неуклонный рост цен на частные железнодорожные перевозки: „В 1926 г. надбавки к тарифам по перевозке частных грузов достигли 50-100%, а в последующие годы увеличились по отдельным грузам до 400%”.³⁵ В 1926 г. была проведена первая серия налоговых мер по сокращению прибыльности частной торговли: так, декрет от 18 июня вводил временный государственный налог на „сверхприбыли” нэпманов. 9 апреля того же года пленум Центрального комитета постановил, что число зерновых мельниц, находившихся в руках частных, должно быть „решительно сокращено”. Тон партийных документов по отношению к кулакам и нэпманам становился все более резким. .

Приводимая ниже таблица показывает увеличение налогов преуспевающих крестьян:

	1925-1926гг.	1926-1927гг.
Бедняки (рублей в год)	1,83	0,9
Средняки	13,25	17,77
Кулаки	63,60	100,17

Источник: Г. Моряхин, „Вопросы истории”, № 4, 1967, стр. 27.

Принятое в 1926 г. дополнение к Уголовному кодексу предусматривало „лишение свободы по суду до трех лет с полной или частичной конфискацией имущества лиц, виновных в злом повышении цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок”.³⁶ Такова была знаменитая статья 107 Уголовного кодекса. В момент, когда ее ввели, она, по большей части оставалась мертвой буквой. Сталин стал широко применять ее через два года после ее принятия. Однако сам факт введения такой статьи в законодательство знаменовал собой определенную эволюцию в отношении руководства к частному сектору.

Чем объясняется этот сдвиг в политике? Официальная история партии стремится преуменьшить его значение. Наступление на частный сектор, согласно этой официальной версии, предусматривалось самой концепцией НЭПа с самого его начала. Государство стало сильнее. Окрепила его способность руководить промышленностью и торговлей, обеспечивать сельское хозяйство капитальным оборудованием, которое в конечном счете призвано было революционизировать социально-производственные отношения в деревне. Такое истолкование не полностью ложно. Для многих членов партии НЭП был вынужденным компромиссом с ненавистным врагом, на которого надлежало напасть снова, как только для этого созреют условия, применяя при этом любые средства, которые окажутся в распоряжении партии. Однако представлять события только в таком свете значило бы существенно недооценить значение перемен в партийной политике, которые, начиная с 1926 г., стали нарастать и достигли кульминации к концу десятилетия в „великом скачке”, означавшем разрушение последнего бастиона частной собственности путем повальной коллективизации деревни.

Причины этой перемены в политике были многочисленны, сложны и взаимосвязаны.

Во-первых, имеется тесная взаимосвязь между окончанием НЭПа и амбициозными программами новых капиталовложений в 1925-1926 гг., знаменовавших окончание восстановительного периода. Уровень металлургической промышленности все еще оставался ниже 1913 г., но другие отрасли, в особенности производство электроэнергии, угольная промышленность и некоторые

отрасли машиностроения — этот уровень уже превзошли. С этого момента наращивание усилий по увеличению промышленного производства требовало напряжения всех сил страны. В декабре 1925 г. резолюция XIV съезда ВКП(б) призвала к индустриализации и, в конечном счете, к победе социалистического сектора. Концентрация ресурсов в руках государства представлялась несовместимой с деятельностью нэпманов, конкурировавших с государством и отвлекавших ресурсы, которые необходимо было сосредоточить на выполнении поставленной задачи. Нэпманы, действительно, извлекали бы прибыль из товарного дефицита, который неизбежно должен был нарастать по мере увеличения капиталовложений в индустриализацию.

Во-вторых, очень важным моментом, редко оценивавшимся по достоинству историками этого периода, была проводившаяся политика цен. Ситуация, вызванная „ножницами цен“, вынуждала государственные тресты снижать производственные затраты и цены на свою продукцию. Эта политика продолжалась и в последующие годы, хотя городские и сельские доходы росли быстрее общего объема выпускаемой продукции, и темпы роста производства в последующие годы тоже нарастали. Несмотря на давление рынка, который диктовал повышение цен, правительство тем не менее упорно придерживалось политики их понижения и, ради этого, распространяло контроль над ценами на все большую и большую долю государственной промышленности, государственной и кооперативной торговли. Как можно было предвидеть, такая политика быстро привела к „товарному голоду“. Именно этот термин снова и снова появлялся в официальных и неофициальных заявлениях, начиная с 1926 г. Талантливый молодой экономист В. Новожилов, которому еще предстояло через 40 лет внести большой вклад в возрождение советского хозяйства, описывал тогдашнюю ситуацию следующим образом: „Не товары ищут покупателей, а покупатели — товары... Перед некоторыми магазинами выстраиваются длинные очереди. В частной торговле цены существенно выше торговых цен на продукцию государственных трестов, — иногда разница составляет 100-200%. Вводятся ограничения на покупки: товары, которые пользуются наибольшим спросом, государственные и кооперативные магазины продают не всем, кто хочет

их купить, а избранным категориям покупателей, — например членам кооперативов или членам профсоюзов. Если товарный дефицит проявляется в таких острых формах в больших городах, то положение в деревне еще намного хуже“. Таков был результат проводившейся политики цен. „Товарный дефицит, таким образом, имеет место лишь там, где цены перестают выполнять свою главную функцию уравнивания спроса и предложения, где они инертны и не реагируют на изменения рыночной конъюнктуры“. Избыточная покупательная способность перемещалась, естественно, в такие сферы, где контроль над ценами не действовал, а частная торговля обретала спекулятивный характер, поскольку становилось выгодно приобретать производимые государственными предприятиями товары для перепродажи, фактически перекачивая, таким образом, ресурсы в частный сектор. Еще более тяжелым последствием такой политики было обратное воздействие на покупательную способность крестьянства. Если даже сокращение цен, запрашиваемых государственными трестами и государственной торговлей, первоначально мотивировалось желанием сократить „ножницы цен“, т. е. улучшить условия торговли для крестьянства, на практике результаты оказывались противоположными. Поскольку официальные цены были ниже цен на свободном рынке, тот, кто находился ближе к фабрике, получал товары на более выгодных условиях. „Города ближе к источникам промышленных товаров, деревни от них очень далеки. Таким образом, города, по всей видимости, получают больше промышленных товаров, чем они могли бы получить по ценам, соответствующим балансу спроса и предложения. Политика низких цен не только не смогла добиться пониженных цен для деревни, но, напротив, вызвала понижение цен для города за счет повышения их для деревни — и в абсолютных цифрах, и в процентном отношении“.³⁷ (Обр. перевод с англ., — Ред.). Молодой критик терпеливо указывал на абсурдность этой политики, которая станет еще более абсурдной при повышении государственных капиталовложений, ибо она будет стимулировать рост доходов, что ляжет еще большей тяжестью на спрос на товары и услуги.

Этим советом, однако, пренебрегли. Целая серия декретов и деклараций вводила все новые и новые ограничения цен. 2 ию-

ля 1926 г. Совет труда и обороны издал декрет, само название которого указывало на его ошибочность даже студенту-первокурснику экономического факультета: „Снижение розничных цен на дефицитные товары государственного производства”. Предполагалось провести такое снижение в размере 10%. Другое снижение вводилось декретом от 16 февраля 1927 г.

Проведение такой политики было совершенно несовместимо с логикой НЭПа и неминуемо влекло за собой атаку на частных торговцев, которые продавали промышленные товары в деревнях, запрашивая за них вдвое или еще больше по сравнению с ценами в государственных и кооперативных магазинах, где, однако, этих товаров просто не было. Подобным же образом извлекали дополнительную прибыль владельцы все еще остававшихся легальными частных промышленных предприятий и ремесленники, что также едва ли было по вкусу политическим и налоговым властям.

В-третьих, такой же грубый просчет был допущен относительно сельскохозяйственного производства и заготовок. Стремление крестьян продавать свою продукцию снизилось из-за товарного голода, а также из-за усилий правительства проводить заготовки по сниженным ценам. Используя благоприятные для закупки условия после сравнительно высоких урожаев, государство стремилось сэкономить, сокращая расходы на заготовку сельскохозяйственных продуктов. В 1926-1927 сельскохозяйственном году общий уровень государственных заготовительных цен по сравнению с предшествующим годом упал приблизительно на 60%. Такое сокращение отнюдь не могло быть оправдано рыночной конъюнктурой, даже хуже: правительство как будто загипнотизированное не ключевой ролью зерна, срезало закупочные цены на него еще более решительно — на 20-25%. В результате, как можно было предвидеть, нарастало нежелание продавать зерно государству, возникла тенденция сосредоточиться на производстве других видов сельскохозяйственных продуктов и на животноводстве, где цены были более благоприятными. Существенно вырос разрыв между официальными государственными ценами и теми ценами, которые готовы были платить все еще дозволенные законом частные торговцы-изпманы.

Почему же была принята такая политика в области цен,

явно не соответствовавшая принципам НЭПа? Упорство в проведении этой политики неминуемо влекло за собой тяжкие конфликты и сумятицу даже при отсутствии других негативных факторов. Несомненно, многое объясняется сочетанием упорной, преднамеренной слепоты с присущей большевикам антипатией к стихийным силам рынка. Но отчасти этому упрямству можно дать политическое объяснение. Троцкий и его единомышленники выступали за повышение уровня накоплений и капиталовложений, а логика этой позиции требовала повышения, а не понижения цен на промышленные товары, поскольку таким путем государство могло увеличить свои доходы. Только этого было достаточно для Сталина, чтобы воспротивиться подобным мерам. Вне сомнений, он усматривал политические выгоды в курсе на понижение цен. Требование повысить цены на зерно, исходило, с другой стороны, от Бухарина и его единомышленников, впоследствии составивших „правую оппозицию”. Тут, опять-таки, Сталин находил веские политические причины для своего упрямства. И это — не просто догадка. Все снова и снова Сталин обвинял различных представителей оппозиции в намерении повысить цены. Партийный пленум, проходивший 7-12 февраля 1927 г., заново подтвердил необходимость последовательного снижения цен и подчеркнул, что в вопросе цен сосредоточились все взаимосвязанные экономические и политические проблемы советского государства. Эта избранная партией политика была в основе своей враждебна рыночным отношениям и в промышленности, и в торговле, и в сельском хозяйстве. Оставалось либо отказаться от нее, либо покончить с рынком и рыночными отношениями. Сохранение НЭПа было мыслимо лишь при условии, что политика цен будет изменена. А поскольку она не была изменена, НЭП был обречен. Лишь после решительного поражения „частника” была изменена политика цен — на сей раз для того, чтобы финансировать рост государственной индустрии.

Перевод: Б. Шрагина

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В. И. Ленин, Соч., т. 31, изд. 4, стр. 100
- 2 В. И. Ленин, Соч., т. 40, изд. 5, стр. 329
- 3 В. И. Ленин, Соч., т. 42, изд. 5, стр. 192
- 4 Там же, стр. 188
- 5 В. И. Ленин, Соч., т. 43, изд. 5, стр. 433-434
- 6 В. И. Ленин, Соч., т. 42, изд. 5, стр. 349
- 7 В. И. Ленин, Соч., т. 30, изд. 4, стр. 308
- 8 В. И. Ленин, Соч., т. 32, изд. 4, стр. 111
- 9 Там же, стр. 133
- 10 См. И. А. Гладков. „Советское народное хозяйство (1921-1925 гг.)”, АН СССР, Институт Экономики, Москва, 1960, стр. 239; Г. А. Коныхов, „КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране”, Соцэкгиз, Москва, 1960, стр. 38
- 11 В. И. Ленин, Соч., т. 43, изд. 5, стр. 25
- 12 В. И. Ленин, Соч., т. 33, изд. 4, стр. 80
- 13 Вестник Социалистической Академии, № 2, 1923, стр. 173

- 14 Ф. В. Самохвалов. Советы народного хозяйства в 1917-1932 гг., Москва, 1964, стр. 121.
- 15 И.А. Гладков. Указ. соч., стр. 193-194.
- 16 Там же, стр. 317.
- 17 В.И. Ленин, Соч., т. 44, изд. 5, стр. 544.
- 18 И.А. Гладков. Указ. соч., стр. 204.
- 19 Там же, стр. 522.
- 20 См. „Вестник Социалистической Академии”, №№ 6-7 (1923-1924 гг.), стр. 316-317.
- 21 Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах, 1917-1932 гг., Москва, 1957, стр. 131-132.
- 22 Там же, стр. 154; Ф. В. Самохвалов. Указ. соч., стр. 153.
- 23 E. H. Carr, F.W. Davies. Foundations of a Planned Economy, 1926-1929, Macmillan, 1969
- 24 См. Ф. В. Самохвалов. Указ. соч., стр. 97
- 25 См. там же, стр. 159. (В тексте обратный перевод с англ., – Фед.)
- 26 См. А. Н. Малафеев. История ценообразования в СССР. Изд-во Мысль, Москва, 1964, гл. 1.
- 27 См. Л. Крицман. Проблемы экономики, №№ 4-5, 1930, стр. 17.
- 28 И. А. Гладков. Указ. соч., стр. 197.
- 29 M. Lewin. La paysannerie et le pouvoir sovietique (Monton, Paris, 1966).
- 30 E. H. Carr. A History of Soviet Russia: Socialism in one Country, Vol. 1, p. 99.
- 31 Вестник Коммунистической Академии, № 8, 1924, стр. 40.

- 32 Ю. Мошков. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации, Москва, Изд-во Московский университет, 1966, стр. 23; J. Karcz. *Soviet Studies*, April, 1967; R.W. Davies, *Soviet Studies*, January, 1970, pp. 314-329.
- 33 „Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР“, Москва, 1930, т. 2, стр. 36.
- 34 Автору не удалось найти подобных законов, которые были бы введены ранее 1932 г.
- 35 А. Н. Малафеев. Указ. соч. стр. 133.
- 36 Г. А. Конюхов. Указ. соч., стр. 98-99.
- 37 В. Новожилов. Вестник финансов. № 2, 1926.

Загорка Голубович

**ЮГОСЛАВСКОЕ ОБЩЕСТВО И „СОЦИАЛИЗМ“:
КРИЗИС ЮГОСЛАВСКОЙ СИСТЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ
ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ**

В любом анализе югославского общества и социальной системы, сложившихся после второй мировой войны, необходимо принять во внимание тот факт, что послевоенная структура югославского общества была смоделирована по советскому образцу. Однако Югославия — единственная страна, которая рано приняла меры к тому, чтобы выйти из „социалистического сообщества“ — союза, сложившегося в результате нового геополитического раздела Европы; поэтому анализ должен также выявить, в какой степени эта система отличается от „реального социализма“ и какова глубина социальных изменений, происшедших после 1948 г. Итогом анализа должен быть ответ на следующие вопросы:

1. Принадлежит ли по-прежнему югославское общество к категории обществ „действительно существующего социализма“;¹
2. Чем оно отличается от других восточноевропейских обществ, и носят ли эти отличия качественный характер (т. е. распространяются ли эти отличия на всю систему организации общества);
3. Предлагает ли „югославский путь к социализму“ действительную альтернативу обществу советского типа (т. е. выходит ли он за рамки основных принципов, на которых оно зиждется)?